

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. В. Воеводский

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЮЖНОЙ АФРИКИ В РОМАНЕ С. ПЛААКИ «МХУДИ»

Роман Соломона Плааки «Мхуди» занимает особое место в истории южноафриканской литературы. Это первый исторический роман, написанный африканцем в Южной Африке на английском языке. Его автор — один из крупнейших африканских общественных деятелей Южной Африки начала XX в. Плааки был журналистом, издателем и переводчиком, собирателем фольклора и исторических преданий тсвана, он входил в число основателей Южноафриканского туземного национального конгресса (будущего АНК). Плааки получил широкую известность как автор труда «Жизнь туземцев в Южной Африке» (1916). Он перевел на язык сетсвана пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь», «Отелло», «Венецианский купец» и «Комедия ошибок».

Особое место в его творчестве занимает исторический роман «Мхуди. Эпос из жизни туземцев Южной Африки сто лет назад» — одно из первых крупных прозаических произведений, написанных чернокожим южноафриканцем.

Исторической основой для произведения послужили события мфец'ане/дифаг'ане — периода многочисленных войн и миграций африканских народов Южной Африки с конца 1810-х и до 1830-х годов — и «Великий трек» буров. Главные герои романа — девушка Мхуди и ее возлюбленный Ра-Таха, которые оказались в центре конфликта баролонгов с воинственными ндебеле и их предводителем Мзиликази. Сам Плааки следующим образом передавал главное предназначение своего романа: «Автор писал эту книгу, видя перед собой две цели: (а) показать читающей публике одну из “скрытых сторон сознания туземцев” и (б) на полученные от читателей деньги

собрать и опубликовать (для школ банту) предания на языке сечуана¹, которые с распространением европейских представлений быстро забываются» [Plaatje 2009: 11].

Роман написан «вчерне» Плааки еще в 1917 г., однако был опубликован лишь в 1930 г. Главным препятствием для его выхода в свет был недостаток денег. Все это время, пока роман оставался в рукописи, Плааки не переставал работать над ним и последнюю правку вносил уже непосредственно перед сдачей рукописи в типографию [Plaatje 2009: 21].

Хронологические рамки романа охватывают период примерно с 1828–1829 по 1837 г. Повествование начинается с рассказа о нападении воинов Мзиликази на поселение баролонгов Кунана (Kunana, Khunwana в современной орфографии) в верховьях реки Молопо. Завершается история разгромом ндебеле Мзиликази и их уходом с территории Трансвааля на север.

Прежде всего возникает вопрос, насколько достоверно в романе отражены исторические события? Плааки, конечно, хорошо знал историю своего народа. Он много времени уделял собиранию устных преданий баролонгов. Однако проблема реконструкции истории африканских народов первой трети XIX в. до сих пор вызывает множество споров у профессиональных историков. Интерпретация же событий Плааки основана во многом на уже сложившейся к началу XX в. европейской историографической традиции. Большое влияние на формирование взглядов Плааки оказала интерпретация прошлых событий христианскими миссионерами, для которых были характерны полярные оценки тех или иных фактов или персонажей южноафриканской истории. С другой стороны, устная традиция баролонгов также не всегда может рассматриваться как полностью достоверный источник, так как многие события прошлого за их давностью накладывались друг на друга, подвергались новой интерпретации и реинтерпретации.

Об этом свидетельствует уже начало романа — описание нападения ндебеле на Кунану. Плааки относит это событие к примерно к 1828–1829 гг., так как указывает, что оно произошло где-то за семь лет до появления фуртреккеров (буров, принявших участие в «Великом треке») в Таба-Нчу. Хотя на самом деле это было в 1832 г. [Starfield 2007: 66].

¹ То есть на языке сечуана.

Именно нападение ндебеле, согласно повествованию Плааки, нарушило мирную, благополучную и размеренную жизнь баролонгов. Автор не скупится на подробности в описании тех зверств, беспощадной жестокости, которые совершали воины Мзиликази при нападении на Кунану. Следует отметить, что в начале XX в. стало общим местом описание жестокости ндебеле. Их правитель Мзиликази изображался не иначе, как деспот, опустошивший со своим войском территории к северу от реки Вааль [Theal 1891: 315; Moffat 1841: 341]. Плааки в целом следует этой традиции. Описывая появление правителя ндебеле перед своими воинами, он указывает, что все трепетали перед Мзиликази Грозным, зная, что малейшая оплошность могла вывести его из себя и повлечь смертельную кару [Plaatje 2009: 49, 139]. Все крупнейшие вождества тсвана были васалами ндебеле.

Однако в действительности традиционный уклад жизни баролонгов был нарушен еще до появления ндебеле. Уже в начале 1820-х годов народы внутренних районов Южной Африки вступили в период потрясений. Причин было несколько: жестокая засуха, которая продолжалась в течение 1820–1822 гг., набеги бастеров и кора с целью захвата скота и пленников, продвижение на территорию Высокого велда хлуби и нгване с юго-восточного побережья Южной Африки. Все это в совокупности и положило начало событиям, вошедшим в историю тсвана и сото как дафаг'ане («перемалывание») [Etherington 2001: 73–139]. Баролонги никак не могли остаться от них в стороне. Еще в 1823 г. Кунана подверглась нападению батлоква, получивших в 1820-е годы известность как мантати, по имени их правительницы МаНтатиси [Starfield 2007: 62].

Следуя исторической традиции баролонгов, Плааки указывает, что нападение ндебеле произошло в ответ на убийство двух представителей Мзиликази, Бхойа и Бханхеле. Однако он не упоминает причин, которые привели к такому шагу. Вероятно, послы Мзиликази вызвали взрыв негодования баролонгов, вторгнувшись на запретную территорию, где проходили обряд инициации юноши Кунаны, причем среди них был наследник правителя баролонгов [Starfield 2007: 66].

Плааки, конечно, не мог обойти вниманием личность правителя ндебеле Мзиликази. С одной стороны, он рисует его как жестокого деспота. Однако он уходит от сложившейся в европейской историографии традиции и по-новому конструирует образ правителя ндебеле.

ле. Для Плааки важно было подчеркнуть, что у африканских народов Южной Африки великое прошлое. Сам подзаголовок романа «Эпос из жизни туземцев Южной Африки сто лет назад» говорит о высоком уровне притязаний автора. Там самым он ставит свое произведение в один ряд с величайшими сказаниями прошлого. И Мзиликази у него не только жестокий завоеватель, он выступает в роли умудренного жизненным опытом монарха: не падок на лесть, прислушивается к противоположной точке зрения, ценит преданность и честность в людях. Одновременно Плааки приписывает Мзиликази поистине грандиозные замыслы: подчинить своей власти все окрестные народы и расширить границы своих владений от Калахари до юго-восточного побережья Южной Африки и заставить даже самого Чаку признать власть ндебеле [Plaatje 2009: 58, 184].

С другой стороны, Плааки достаточно объективно описывает положение вождеств тсвана под властью Мзиликази. Многие из них, согласно Плааки, вполне комфортно себя чувствовали в качестве вассалов ндебеле. Они лишь платили номинальную дань в знак признания их верховенства [Plaatje 2009: 128]. Плааки отмечает также, что многие тсвана были инкорпорированы в состав державы и народа ндебеле. Он приписывает Мзиликази следующие слова: «Разве я не был добр к этим предателям-бечуанам²? Моим желанием было объединить их с нами (ндебеле), чтобы мы могли составить вместе один великий народ, они притворялись, что желают того же, но на самом деле они обманывали меня» [Plaatje 2009: 187]. Таким образом, Плааки во многом опровергает распространенное в европейской литературе мнение о том, что ндебеле целиком опустошили завоеванные ими территории и буры, изгнав ндебеле, заняли совершенно обезлюдившие земли.

На протяжении всей книги Плааки с крайним уважением говорит о правителях африканских народов прошлого. Он высоко оценивает репутацию предводителя басуто Мошвешве за его «справедливость и здравомыслие» [Plaatje 2009: 89]. Характеризуя отношение баролонгов к своим бакхоси (правителям), Плааки вкладывает в их уста следующие слова: «В Библии говорится, что когда дети Израиля имели над собой лишь одного правителя — Бога, они не

² То есть тсвана. Здесь и далее Плааки использует принятые в литературе начала XX в. названия южноафриканских этносов.

давали ему покоя, пока он не миропомазал им короля. Мы, баролонги, подобны им и не можем обходиться без двух людей: жены — души дома — и короля³, который призывает нас к порядку, разрешает наши споры и предводительствует над нами во время битвы» [Plaatje 2009: 88]. Не случайно и то, что завершает свой роман Плааки словами Ра-Тахи: «...кроме зова вождя, я буду прислушиваться лишь к одному зову — твоему голосу, Мхуди» [Plaatje 2009: 200].

Таким образом, Плааки выказывает традиционное уважением к правителям доколониальных африканских вождеств. Он отмечает их роль как носителей закона, справедливости, предводителей в военных походах и в целом как главной интегрирующей силы африканского социума. Даже Мзиликази, правитель ндебеле, не выглядит у Плааки как отрицательный персонаж. Автор наделяет его величием, свойственным монархам древности.

Одно из главных предназначений романа — показать, что африканцы обладали собственной богатой историей. Как Плааки указывал в предисловии, южноафриканская литература начала XX в. была почти исключительно европейской. Места для описания прошлого африканских народов в ней просто не находилось. В лучшем случае об африканцах упоминалось как о противниках белых. Европейцы рассматривались носителями цивилизации и прогресса, а коренное население — как погрязшее в невежестве и варварстве и не имевшее собственной истории. Плааки же в своем романе пытается показать, что течение южноафриканской истории в такой же степени, если не в большей, определялось отношениями среди самих африканцев, как и вмешательством белых.

Особенностью романа Плааки является значительная роль, которую он отводит персонажам-женщинам. Их характеры прописаны даже ярче, чем у мужчин. Конечно, центральное место в произведении занимает Мхуди — главная героиня романа. Автор наделяет ее следующими добродетелями: супружеская верность, житейская мудрость, прозорливость, в чем она часто превосходит своего мужа Ра-Таху, домовитость и т.д. Таким образом, описание положения женщины в обществе тсвана у Плааки отличается от того, что существовало в европейской литературе. Так, миссионеры рисовали крайне незавидное положение женщин в африканском обществе,

³ Следуя сложившейся в сочинениях европейцев традиции, Плааки называет африканских правителей королями.

они считали, что представительницы слабого пола лишены каких-либо прав, беззащитны перед насилием со стороны мужа, который может даже лишить их жизни. Плааки демонстрирует совершенно противоположную картину. У него жена — это верная спутница и советчица своего мужа. Но при этом она может вступать в спор со своим супругом, является полновластной хозяйкой домашнего очага. Муж и жена, согласно Плааки, это как две половинки одного целого. Мужчина не может считаться полноценным до тех пор, пока не обрел спутницу жизни. Подобные мысли высказывает Ра-Таха: «Она (Мхуди. — А.В.) сделала меня тем, кто я есть» [Plaatje 2009: 171]. Интерес представляет также то, как в романе показана роль матери жены. «Кроме того, женитьба делает обладателем двух матерей: твоей собственной и твоей жены. Из них последняя — главная», — говорит Ра-Таха своему другу [Plaatje 2009: 170].

Значительное внимание в романе уделяется отношениям между бурами — участниками «Великого трека» — и африканцами. Эта проблема рассматривается Плааки через призму последующих событий и всей истории взаимоотношений между белыми и черными в Южной Африке. Во-первых, автор подчеркивает доброжелательность, с которой баролонги отнеслись к переселенцам из Капской колонии. Морока, правитель баролонгов в Таба-нчу, позволил им поселиться на его землях и заключил с ними союз против ндебеле. При этом Плааки указывает, что соглашение правителей вождества тсвана с бурами предусматривало, что после разгрома ндебеле все вождества тсвана сохраняют свою независимость и территории, а буры займут лишь те земли, которые непосредственно принадлежали ндебеле [Plaatje 2009: 154–155]. Эти соглашения в начале XX в. приобрели особое значение. В 1913 г. парламентом ЮАС был принят Закон о землях туземцев, согласно которому в распоряжении коренного населения Южной Африки оставалось не более 8 % территории. Плааки активно выступал против этого закона, был членом делегации Южноафриканского туземного национального конгресса, отправившегося в Великобританию с целью убедить британский парламент отменить этот акт. Таким образом, столь пристальное внимание к земельному вопросу, неоднократный упор на том, что лишь благодаря помощи баролонгов бурам удалось одержать вверх над ндебеле, должны были еще раз напомнить белым жителям Южной Африки, кому они обязаны своим теперешним положением.

Плааки показывает жестокость и пренебрежение, с которым трекеры относились к своим чернокожим слугам. Буры не позволяли пить и есть африканцам из одних с ними чашек, даже если это были их союзники из числа баролонгов. Благодаря подобным фактам, приведенным в романе, читателю становится ясно, что союз с африканцами для буров лишь временная мера, они никогда не будут рассматривать африканцев равными себе. И Плааки вкладывает в уста Мзиликази пророческие слова, предрекающие будущую судьбу баролонгов стать слугами буров: «Пусть они радуются сейчас, этот смех им еще понадобится, когда их спасители начнут давать им то же горькое лекарство, что они приготовили для меня. Когда кивас (белые люди) отнимут у них скот, детей и землю, они выплачут свои глаза и им останется лишь иссохшими устами тщетно молить о сострадании» [Plaatje 2009: 188]. Таким образом Плааки устами Мзиликази предсказывает будущее порабощение баролонгов. Круг замкнулся. Ндебеле понесли заслуженную кару за свою жестокость и беспощадность по отношению к своим противникам, но и баролонги, вступив в союз с белыми людьми, не смогут извлечь пользу из своей мести. Здесь Плааки исходит из той ситуации, которая сложилась в Южной Африке в начале XX в.

Однако Плааки отнюдь не является пессимистом относительно возможностей мирного сосуществования черных и белых в Южной Африке. Во-первых, власти буров он противопоставляет британское правление. Свое отношение к англичанам автор выражает словами Мороки, правителя баролонгов, когда тот подвергает сомнению утверждения буров о притеснениях, которым они подвергались в Капской колонии: «Мы, баролонги, слышали, что со времен Давида и Соломона⁴ не было более справедливого правителя, чем английский король Георг» [Plaatje 2009: 88]. Другим примером возможного союза между африканцами и белыми является история дружбы Ратахи и молодого бура Де Филье. Де Филье не испытывал ни ма-

⁴ В данных словах ярко проявляется одна из особенностей сочинения Плааки, когда он вкладывает в уста героев романа собственные мысли, слабо сообразуясь с историческими реалиями. Естественно, в 1830-е годы африканцы если и имели, то еще чрезвычайно отдаленные представления о библейской истории. Используя подобный прием, Плааки, возможно, пытался подчеркнуть достоинство и глубину мысли, свойственные африканским правителям прошлого. Тем самым он опровергал глубоко укоренившийся в европейском сознании образ невежественного дикаря.

лейшего предубеждения по отношению к Ра-Тахе, не чурался этой дружбы, обращался к своему товарищу-баролонгу за советом даже в таком деликатном деле, как выбор невесты. Ра-Таха здесь выступает его старшим и более опытным наставником. Тем самым Плааки указывает, что между белыми и черными нет непреодолимой преграды. Их союз может нести с собой самые благотворные последствия и обогатить обе стороны новым знанием и опытом. Плааки оставляет надежду, что межрасовые отношения в Южной Африке еще могут достичь гармонии. Он вряд ли мог думать иначе. Будучи искренне религиозным человеком, он верил в идею божественной справедливости, в равенство всех людей перед Богом. Красной нитью через весь роман проходит идея воздаяния — каждый получает согласно своим делам. В романе большое внимание уделяется всевозможным знакам, предрекающим скорое возмездие ндебеле за прошлые преступления. Это и комета Галлея, появление которой интерпретируют как дурной знак для Мзиликази и его подданных, и предсказания прорицателей, которые вещали о наступлении времени тяжелых испытаний и многих смертей, прежде чем ндебеле снова обретут покой [Plaatje 2009: 149].

Крушение державы Мзиликази имеет в романе и другой важный подтекст. Если власть ндебеле, основанная на насилии и порабощении, пала, что Плааки рассматривал как волю Провидения, то и господство белых также может быть свергнуто в будущем. Хотя эта идея нигде в романе напрямую не высказывается, она вытекает из самой логики развития событий — угнетение противно основам мироустройства, оно не может продолжаться вечно.

Плааки часто вкладывает в слова своих героев нравоучения и идеи, почерпнутые из христианской морали. Это относится и к уже приведенным ранее словам Мороки, в другом месте автор указывает на благотворное влияние проповеди христианских миссионеров на нравы африканцев [Plaatje 2009: 83]. В целом в романе явственно прослеживается культурный и социальный опыт Плааки. Прежде всего это относится к его миссионерскому воспитанию, глубокой и искренней религиозности. Библейские предания оказали сильнейшее влияние на формирование исторических представлений Плааки и его взглядов на роль отдельных народов в истории. С другой стороны, традиции европейской художественной литературы не менее заметны. И здесь прежде всего стоит отметить явственное влияние Шекспира. Плааки даже осмеливается на прямое заимствование ди-

леммы из «Гамлета»: *быть или не быть (to be, or not to be)* [Plaatje 2009: 118]. И дело здесь не только в том, что Плааки был поклонником творчества великого английского драматурга. Не меньшее значение для него имело то, что он находил в произведениях Шекспира параллели с тем культурным универсумом, в котором жили тсвана. И, как указывает биограф Плааки, в этом не было ничего удивительного, так как и Шекспир, и Плааки принадлежали по рождению к доиндустриальному миру и мыслили в схожих категориях: родства, власти рока, религиозных предрассудков и т.д. [Willan 1984: 331].

Однако влияние европейской культуры не заслонило для Плааки ценность прошлого и традиций своего народа. Для него жизненно важно, чтобы история его народа сохранилась и не ушла с последними живыми носителями традиции. Он пытается показать, что прошлое африканцев не лишено своего величия, он придает ему эпическое звучание. Но вольно или нет, он выступает в роли реинтерпретатора истории своего народа, наполняет многие события новым содержанием. Где-то его суждения кажутся чересчур наивными, а действующие лица говорят и поступают слишком картинно. Со всей очевидностью можно сказать, что Плааки «модернизирует» историю народов Южной Африки. Вместе с тем его произведение не только важный памятник развития общественной мысли африканского населения Южной Африки, но и бесценное свидетельство его быта и обычаев.

Литература

Etherington N. The Great Treks. The Transformations of Southern Africa, 1815–1854. L.: Pearson education, 2001.

Moffat R. Missionary Labours and Scenes in Southern Africa. L.: John Snow, 1842. 624 p.

Plaatje Sol.T. Mhudi. An Epic of South African Native Life a Hundred Years Ago. Cape Town: AD Donker publishers, 2009. 202 p.

Starfield J.V. Dr S. Modiri Molema (1891–1965): The Making of an Historian. PhD Thesis. Witwatersrand University. 2007. 373 p.

Theal M.C. History of South Africa from the Foundation of the European Settlement to Our Own Times: In 5 vols. L.: Sonnenschein, 1891–1893. Vol. 3 (1795–1834). 520 p.

Willan B. Sol Plaatje: South African Nationalist, 1876–1932. Berceley; Los Angeles: University of California Press, 1984. 436 p.